

А.В. Манин-Уралец

**Заводы Москвы.
Часть 2. В первых
пятилетках**

А.В. Манин-Уралец

**Заводы Москвы. Часть
2. В первых пятилетках**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Заводы Москвы. Часть 2. В первых пятилетках / А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

В книгу вошли материалы фундаментального труда автора «Истина нас наконец нашла?!» – История Москвы и Московской области в историях заводов: век XX» издания 2016 года, а именно раздел 3 «Москва и Подмосковье в первых пятилетках»: больше реальностей, чем мифов» (из главы 1 «Истории заводов Москвы и Подмосковья: конец XIX в. – 1941 г.»). Источниками, вскрывающими общие признаки развития всех промышленных предприятий в условиях социализма советского образца, служат материалы написанных и опубликованных книг автора об истории десятков заводов Московского региона и Южного Урала.

А.В. Манин-Уралец

Заводы Москвы. Часть 2. В первых пятилетках

В данную книгу вошли материалы общего фундаментального труда «Истина нас наконец нашла?!» – История Москвы и Московской области в историях заводов: век XX» издания 2016 года, а именно раздел 3 «Москва и Подмосковье в первых пятилетках: больше реальностей, чем мифов» главы 1.

Общий труд, как и данный раздел, послужил источником для доказательства точных констант в историях исторических явлений и попытке доказательства существования двигателя социализма советского типа – открытого автором исторического /и общесоциологического/ Закона Исторического потенциала советских промышленных предприятий (предприятий СССР).

В публикациях ссылки на источник означают указание страниц уже опубликованных историй промышленных предприятий, которых в общей сложности автором было изучено 50, написано и подготовлено к изданию, а затем опубликовано 30.

Это заводы Москвы, Московской области и широко известные предприятия Южного Урала.

Работа автором проведена с опорой на тысячи архивных документов, устных и письменных воспоминаний свидетелей и участников исторических событий заводской истории и истории строительства моногородов, а также на музейные экспонаты и другие источники, в т. ч. периодическую печать многотиражек промышленных предприятий, их кадровую и техническую документацию, «пояснительные записки» к годовым отчетам и другое.

Раздел 3. Москва и Подмосковье в первых пятилетках: больше реальностей, чем мифов.

В течение первых пятилеток задача советских рабочих «догнать и перегнать» западных в области производства и в различных промышленных отраслях становится одной из главных для передовых коллективов заводов Москвы и Подмосковья. Первый пятилетний план (1928/29 – 1932/33 гг.) вступил в действие с 1 октября 1928 г. К этому времени еще не были утверждены задания пятилетки, а разработка некоторых разделов (и по промышленности) продолжалась.

Главная задача пятилетки заключалась в том, чтобы превратить страну из аграрно-индустриальной в индустриальную. По предложению председателя Госплана СССР Кржижановского разрабатывались два варианта пятилетнего плана – отправной (минимальный) и оптимальный. Задания оптимального варианта были примерно на 20% выше отправного. В декабре 1929 года на съезде ударников И. В. Сталин выдвинул лозунг «Пятилетку – в четыре года!» Ставилась задача ежегодно удваивать капиталовложения и увеличивать производство продукции на 30%. Страна была обязана выплавлять вдвое больше, чем планировалось вначале, черных и цветных металлов, вдвое больше выпускать автомобилей, сельскохозяйственных машин и др. ...

Столь фантастический оптимизм на фоне ажиотажа вокруг контрольных цифр плана при эксплуатации революционного терпения, энтузиазма масс, настроений штурмовщины и чрезвычайщины мог быть объяснен только при глубоком проникновении в природу успехов восстановительного периода, которая могла быть ведома, вероятно, лишь тем, кто смело предла-

гал только индустриализацию, и более того - пересмотр контрольных цифр первоначального плана в сторону его увеличения, не смотря ни на что.

Правовое поле советских рабочих в начальный период индустриализации явно выходит за рамки естественных первоочередных потребностей ради выживания, отрицания «отжившего старого строя» и обеспечения себя рабочими местами на старых национализированных и вновь построенных заводах. В новых условиях работа под лозунгами «Догнать и перегнать», «Советское - значит лучшее» и т. п. требовало систематического или постоянного освещения в средствах массовой пропаганды успехов рабочего класса при социализме. Главная ставка делалась на тех, кто наделялся безграничным правом видеть во всех негативных факторах пережитки или остатки прошлого, а во всех положительных – только победу социализма.

В этих условиях формируется безграничный посыл на уважение и любовь к своим вождям. И было крайне важно, чтобы эта любовь не стала слабее уважения и любви к достижениям работающих у станков на заводах. Осуществление этой задачи автоматически позволяло сталинскому руководству трактовать достижения трудовых коллективов, экономики, народа, как достижения партии, и это станет традицией, устраивающей обе главные силы – верховную власть и коллективы промышленных предприятий. Если что-то могло обойтись без чего-то, то эти силы не могли существовать друг без друга. В результате, закрепляется право советского рабочего любыми методами, в т. ч. не жалея станков, своих сил и всех видов ресурсов, включая и сельские, «догнать и перегнать», доказать превосходство социализма, право рабочего на гордость за весь «рабочий класс», право рабочего противостоять западной идеологии, западной истории, как и собственной идеологии и истории не индустриального, не советского периода.

Таким образом, рабочий завода получил право на создание своей собственной истории. Ее начало в первой пятилетке характеризуется не только началом управления «собственным, государственным заводом», но и воздействием на бюрократические и даже научные государственные структуры. Это было следствием действительно огромных, отнюдь не мифических, а реальных достижений и многочисленных хвалебных отзывов о делах коллективов заводов Москвы на страницах печати, в радиопередачах, в кинокартинах, в художественной литературе, даже со стороны рабочих Запада. В них эпитеты «новое», «лучшее», «героическое» и т. п. были логическим дополнением к роли трудовых коллективов как роли «диктатуры пролетариата».

Это предопределило право рабочих Москвы на исторический миф о их влиянии на ход развития народного хозяйства СССР и право поддерживать исторический миф об влиянии власти СССР на ход мировой истории. Реальность и миф сплетаются воедино. Характер великороссов впитывает в себя характеры других народов, а также характеры советских вождей: «всенародного» всесоюзного старосты Калинина, боевитого военачальника Буденного, деловитого администратора-производственника Орджоникидзе, строгого и прозорливого Сталина. Кавказские тосты и здравицы входят в быт и жизнь россиян вместе с необходимостью восхвалять и видеть сквозь трудности жизни искрящееся кавказское вино. Русский народ превращается в советский народ. Новое поколение работников социализма, воспринимающее царизм «старой», «чужой» и чуждой историей, стало поколением очень доверчивых к Советской власти людей, вынужденных познавать азбуку жизни на собственных ошибках, очень чувствительных к любой внешней критике и потому проявляющих искреннюю радость и доверчивость от похвалы начальства, ощущающих острую необходимость в этой похвале, как признании их правильных поступков, мыслей, результатов труда. Одно только восстановление любого завода вызывало восторг, а многие коллективы в Москве уже могли служить примером «живучести», инициативности, высокой результативности, не смотря на то, что половину «рабочих» часто представляли поступившие на завод крестьяне.

Одним из первых 11 заводов Москвы, о которых много писали и которые еще в 1930-е годы были включены даже в список наиболее достойных для написания книг по их истории, был завод «Мастяжарт» (ныне завод «Вымпел»).

В те годы история завода только начала писаться, но не была издана, а некоторые материалы ее вошли в изданную книгу (в основном, уже о ракетостроительном, спутникостроительном машзаводе) только в 2006 г.

В исторических главах этой истории отмечается:

«К началу 1928 г. завод «Мастяжарт» представлял собой крепкое универсальное высоко-рентабельное предприятие с выпуском огромной номенклатуры изделий – от предметов кухонного обихода до авиабомб, трубопроводов, пескоструйных автоматов и котельной продукции.

В декабре 1927 года состоялся XV съезд ВКП (б), на котором была принята директива о составлении первого пятилетнего плана. Это значительно повлияло на дальнейшее развитие предприятия. Объем его программ был увеличен сразу на 25%... Успехи «Мастяжарта» превзойдут все ожидания: пятилетка будет выполнена в два раза быстрее намеченного срока... Этому способствовало применение на заводе новых видов техники, нового оборудования, новых технологий. Так, обучив многих рабочих в сварочной конторе Оргметалла электросварочным работам, на «Мастяжарте» добились резкого повышения производительности труда». На XVI партийном съезде В. В. Куйбышев отмечал: «Получаются, порой, прямо чудеса. Например, применение сварки котлов на заводе «Мастяжарт» дало снижение себестоимости котлов более чем на 30 процентов!» /С. 39/.

С не меньшим энтузиазмом и не меньшей результативностью трудился коллектив и в начале второй пятилетки, но с учетом новых плановых заданий смог добиться этого только за счет привлечения на завод большого числа рабочих из деревни.

К 1932 году приток рабочих из деревни укрупнил коллектив почти на 70% /С. 41/.

На курсы обучения профессиям направили 930 человек. Функционировали фабрично-заводские училища (ФЗУ), рабоче-технические школы, производственно-политические курсы технического нормирования и др. курсы. В январе 1932 года обучающихся насчитывалось около 1820 человек. Наиболее способных направили во ВТУЗы и техникумы» /Там же/.

Не менее впечатляющими в эти годы являются успехи коллектива Завода им. Лепсе. В 1927 г. завод впервые в СССР приступил к выпуску электромоторов трехфазного тока, освободив страну от их импорта. А 6 лет спустя коллектив первым в стране начинает выпуск самолетных электрогенераторов, положив тем самым начало новой отрасли в советской электротехнической промышленности – производству отечественного электрооборудования (в 1926-1928 гг. – выпуск высокочастотных моторов трехфазного тока; в 1929-1933 гг. – авиационных и танковых генераторов; с 1939 по 1946 гг. – электромеханизмов пикирующего бомбардировщика «ПЕ-2»...) /С. 7-12/.

Коллектив Завода им. Лепсе в первых пятилетках стал настоящей кузницей патриотических починов. «Рабочие завода... выступили с идеей встречного промфинплана. Журнал «Наши достижения» отмечал: «... Ударники завода Лепсе – Цейтлин и Кудрявцев – в своей книге «Промфинплан снизу» рассказали о практике встречного промфинплана на заводе» /С. 34/. Журнал «Московская промышленность» № 5 в 1930 г. отмечал: «Именно там, где плановые задания доведены до цеха, до агрегата, до станка, именно там, где соревнованием и ударничеством охвачены массы рабочих, именно на тех предприятиях мы имеем выполнение и даже перевыполнение промфинплана. Одним из наиболее ярких примеров, вполне подтверждающих это, является электрозавод им. Лепсе...» /Там же/.

Одним из важнейших стимулов рабочих заводов Москвы – столицы СССР – являлось подкрепление самосознания важностью их роли для всего мира. В этой связи становится необходимостью доложить о высоких возможностях и больших перспективах советского труда и советского образа жизни «братьям рабочим» в капиталистических странах. «Сплоченный кол-

лектив завода, его трудовые подвиги и всевозможные прогрессивные начинания вызывали восхищение не только в Советском Союзе, но и в среде рабочих Англии, Франции, Германии» /С. 34-35/, чему легко поверить, учитывая потрясший в конце 20-х гг. - начале 30-х гг. экономический кризис в капиталистическом мире, а также использование в США уже проверенного на практике в Германии и Советской державе (НЭП) метода выхода из экономического кризиса путем использования госкапитализма, т. е. социалистических методов. «Об этом свидетельствуют письма из Западной Европы, присланные рабочими этих стран в Москву, на Ткацкую ул., 15. Письма были опубликованы в свое время в заводской газете «Ротор-Лепсенец» /Там же; а также: Газета «Ротор», 1930 г., № 5, 13, 1931 г., № 30, 48, 1932 г., №21, 63 и др./

«На праздновании 12-й годовщины Октября в 1929 г. в Москву приезжали делегации профсоюзов из разных стран, в т.ч. группа рабочих автомобилестроителей из американского города Детройта. Они привезли с собой Красное знамя для лучшего коллектива профсоюзов металлистов Москвы. В торжественной обстановке оно было вручено электромоторному заводу.

Это было ярким свидетельством признания заслуг молодого растущего коллектива» /С. 35/* /*А также Берсон Л. Завод-герой. М., 1931, с. 13/. «В новом номере заводской газеты «Ротор» за 1930 г. от 12 марта сообщалось: «Наш завод, получивший Красное знамя американских рабочих, носит звание Краснознаменного не на словах. А на деле покажет, что возложенные на него обязательства... выполнит». И результаты этой работы не заставили себя долго ждать. В книге «Завод-герой» поведавший о работе завода Л. Берсон писал в 1931 г.: «При проекте на 6500 моторов им дали 9000. Они это выполнили. Тогда им дали 25 000, они же дали 31 000 моторов» /С. 35/.

Этому способствовали достаточно грамотные методы внедрения стимулов и стимулирования труда. Например, к 1932 г. 1437 рабочих завода входили в 77 хозрасчетных бригад /С. 40/.

На глазах у всей Москвы и, даже можно сказать, всего мира, первенец советского электромоторостроения вырастал в «гиганта» столичной тяжелой промышленности. С 1928 по 1932 гг. число работников возросло с 500 человек до 3000 (к концу 30-х гг. – более 5000 человек). Многие труженики завода награждались почетными знаками отличия, некоторые удостоивались высшей правительственной награды – ордена Ленина.

На заводе кипела производственная трудовая жизнь, от нее не отставала и общественная. Массовый трудовой заводской энтузиазм распространялся повсюду, где появлялись рабочие коллективы, они организовывали для себя базы отдыха в сельских районах, сотрудничали с жителями села.

«В период, когда началась коллективизация сельского хозяйства, работники завода активно участвовали в организации колхозов. В Рязанской области лепсенцы помогли создать 4 колхоза. Коллектив завода помогал электрифицировать деревни, а в совхозе «Михневский» построил электростанцию. С этим совхозом завод заключил договор о сотрудничестве. Получая от него сельхозпродукты, заводчане помогали совхозу деньгами, техникой, рабочей силой, выезжали с концертами. Завод шествовал также над колхозами «Авангард» и «Борьба».

Истины ради стоит признать, что все же не заводы и фабрики жили ради колхозов и совхозов, а наоборот, хотя нельзя отрицать объективных предпосылок к этому, в т. ч. фактора угрозы в адрес СССР в конце 20-х гг. со стороны враждебного капиталистического мира; как и то, что индустриализация, совершающаяся с помощью подавляющей массы крестьян, спасая город, все же спасала и деревню. Набравшая невиданные обороты индустриализация, заложившая одновременно сотни и тысячи промышленных цехов, мастерских, заводов, фабрик, шахт, рудников, настолько обеднила село, что довела его жителей до голода, страшных бедствий.

Но так сложилась история, что начавшийся в 1917 г. советский эксперимент не мог быть остановлен фактором чьей-то несомненной беды. Подпиткой невиданного прежде движения

индустриализации в начале 30-х гг. послужили и предоставленные коллективам заводов права быть главными контроллерами в производственной, общественной и даже финансовой сферах промышленности, и даже контролировать деятельность различных государственных бюрократических учреждений. Здесь права рабочих заводов вступили с сильным конфликтом с бюрократическим и даже партийно-бюрократическим и административным «букетом» их собственных юридических и не озвучиваемых прав. В этом, вероятно, была одна из причин, по которой спустя всего лишь одну пятилетку бюрократия и государственные структуры навалются на трудовые коллективы единым фронтом и, сформировав военно-бюрократическое право, в его кодированных юридических и не озвучиваемых аспектах, вовлекут трудовой народ в очередную волну репрессий.

«Рабочие коллективы шефствовали не только над колхозами, совхозами, школами, воинскими частями, но и над государственными учреждениями. Коллективу Завода им. Лепсе было поручено шефство над Народным комиссариатом просвещения РСФСР. На заводе создали бригаду из 30 рабочих. Перед нею были поставлены задачи: повседневная борьба с бюрократизмом; проверка фактического выполнения аппаратом наркомата важнейших директив партии и правительства; помочь руководству НКП в решении важных задач культурной революции.

Слесари, токари, сборщики шли после работы в наркомат, смело заходили в кабинеты руководящих товарищей, смотрели деловые бумаги, проверяли выполнение приказов; обнаружив бюрократическую проволочку, требовали срочных заседаний.

Когда какой-либо вопрос не решался Наркомпросом из-за других учреждений, шли туда и строго спрашивали с них» /С.42/. «Особенно активно поработала шефская бригада летом 1930 года, во время подготовки к новому учебному году, после принятия правительством постановления о всеобщем обязательном начальном образовании. Группа заводчан ездила в Бурят-Монгольскую АССР проверять состояние культурно-массовой работы. Рабочие-лепсенцы помогли налаживать работу школ в Кузбассе, в Карелии, в Северной Осетии, на Нижней Волге и в др. районах страны» /Там же/.

В сентябре 1931 г. вышла однодневная газета «Рабочий – шеф», издаваемая партийной и профсоюзной организациями завода и Наркомпроса РСФСР. Нарком просвещения А. С. Бубнов в ней отметил, что рабочая бригада «оказала громадное содействие коллегии Горкомпроса в деле превращения наркомата... в штаб культурной революции».

В той же газете Н. К. Крупская писала: «Деятельность рабочих у нас не ограничивается четырьмя стенами завода. Рабочим Советского Союза дело до всего: сегодня он - токарь, завтра - организатор колхоза, послезавтра - работник наркомата, председатель горсовета...» /Там же/.

И в этом была большая доля правды. «Кухарка», вставшая к станку, войдя в орган контроля «рабочей бригады», набиралась опыта активно воздействовать на бюрократические инстанции государства.

Очень боевитыми по отношению к бюрократии стали партийные собрания на заводах столицы.

(Столь же активно работали такие «рабочие бригады» на крупных предприятиях Москвы: на заводе «Динамо», производившем в то время крановые моторы, на заводе «Серп и Молот», на заводе им. Буденного, на заводе «Авиаприбор» и других).

На заводе «Каучук» также создавали шефские бригады и избирали своих представителей в местные органы власти, напутствуя их: «Побольше надобно заботы на важном фронте – совработы. Но это разговор пустой при самокритике плохой. Рабочий, все свое внимание отдай ошибок изживанию, коль что заметив, не молчи – по недостаткам бей, стучи...», - характерные строки одного из многочисленных заводских рабкоров, авторов стенных газет. Получив право /читай – «советское рабочее право»/ на самокритику, что вовсе не являлось поруганием Советской власти, а наоборот поддерживалось последней, рабочие тем не менее могли пользоваться

этим правом в основном в узких рамках своих коллективов, заводов и фабрик, чем достигался эффект постоянной «вины» и уязвимости рабочего. Шефствуя над другими, получив на это право, уча других, рабочий приучался постоянно самобичевать и самого себя.

Выявление недостатков на партсобраниях, критика товарища, друга, самого себя, любого руководителя завода по поводу и без серьезного повода прочно вошли в практику партийных, комсомольских, профсоюзных собраний. Не было критики, считай, - нет нормального собрания.

Постоянно взвинчивая право рабочего на личную, персональную ответственность самого рабочего, а также всего рабочего коллектива перед партией и народом, трудовая Москва вместе со всей страной стремительно приближалась ко времени, когда обвинения, критика должны были трансформироваться в область репрессий.

Все меньше становилось тех, кто сопротивлялся критике рабочего собрания: любые отговорки, протесты воспринимались как действия, идущие вразрез с интересами коллектива, партии, страны. Власть могла считать дело сделанным: у нее имелась всеобщая поддержка для репрессий всех ей неугодных: всех «из бывших» и всех новых несогласных с политикой сталинского руководства.

На закрепление этого сильнейшего психологического фактора в рабочей среде имели воздействие реальные огромные успехи коллективов заводов в деле выполнения правительственных заданий, а также успехи заводов в области развития собственной социально-бытовой инфраструктуры. В главе «Хозяева своей судьбы» книги «Завод на Усачевке» (и в книге автора «ОАО «РТИ-Каучук» - Связь времен») можно выделить следующее. В начале 1929 г. состоялись выборы в райсовет Хамовнического района (позже переименованного во Фрунзенский).

По традиции рабочие завода давали своим депутатам указы. Вот некоторые из них: ускорить постройку вентиляции на заводе «Каучук»; выделить средства на постройку нового здания школы ФЗУ завода; усилить трамвайное движение линий № 17 и № 34, а также удешевить плату за проезд на автобусах по линии № 1 и № 5; вменить в обязанности домоуправлениям, расположенным на окраинах /Москвы/, поливку мостовых в летний период» /С. 33/. Подобных указов в исторической документации заводов можно увидеть очень и очень много, что свидетельствует об активном и непосредственном участии работников заводов в благоустройстве и строительстве различных районов г. Москвы.

Боевитость контролируемых государственных учреждений «рабочих бригад» ковалась в борьбе за рекорды в труде на рабочих участках. На состоявшейся в 1929 г. 1-й Всесоюзной конференции ударных бригад коллектив завода «Каучук» назвали «пионером ударничества» /С. 28/. К началу 1930 г. на заводе насчитывалось около 50 ударных бригад, в соревновании же участвовало около 1000 человек. Завод выдвинул свой встречный план: в течение 1930/31 гг. выдать столько продукции, сколько намечалось выдать только в период 1932/33 гг. Пятилетка заводом будет выполнена за 2,5 года. «Каучук» в числе других наиболее известных предприятий Москвы можно назвать и «пионером новаторства». «...Новое время позволило десяткам и сотням рабочих попробовать свои силы в техническом творчестве, многие взялись придумать что-либо такое, что помогло бы цеху и заводу сэкономить материалы, ускорить изготовление изделий. Количество подаваемых рацпредложений росло очень быстро: с 1926 по 1928 гг. в производство благодаря им было внедрено около 200 технических новшеств, к концу 1929 г. в коллективе было зарегистрировано более 635 (поданных за 2 года) предложений, о чем сообщалось как о факте огромного прогресса на «Каучуке» в журнале «Резиновая промышленность» /С. 28/.

Почти каждое техническое предложение /так или иначе/ влияло на режим технологии, а на ее совершенствование требовались, в свою очередь, и новые технические средства, их также «изобретали» сами. Одни из первых самостоятельных «создателей станков» - рабочие цеха «техника» Галанин и Гернелис изобрели станок для обрезки концов сеялочных трубок; началь-

ник механической мастерской Вальпитер усовершенствовал механизацию фасонных прокладок; рабочие Клименков и Ильин ввели новый способ вулканизации эбонитовых палок, рабочий рукавного цеха Малаховский разработал способ закатки рукавов на комбинированной машине одновременно двумя бинтами...» /Там же/. История столичных заводов изобилует подобными примерами технического творчества.

В начале 30-х гг. многие заводы переходили на хозрасчетные формы деятельности, повышалась заинтересованность в более эффективной, экономичной и рентабельной работе, коллективы принимали новые условия труда как руководство к действию в области рационализации и изобретательства.

На «Каучуке» в год подавалось уже до 2250 рационализаторских предложений /Там же/.

Совокупность всех внедренных в практику производства предложений приносила колоссальный эффект по экономии, достижению качества, в т.ч. с учетом улучшения условий труда на каждом рабочем участке.

В масштабах всей страны деятельность миллионов новаторов производства – рабочих, инженеров, служащих оказывал поистине чудодейственный эффект в ходе проведения индустриализации. Опыт совершенствования производства в рамках одного завода, тем более завода Москвы, оперативно использовался при организации предприятия-смежника, родственного завода, быстро укрупнялись отдельные отрасли, промышленные регионы. Номенклатура выпускаемых изделий в СССР возрастала в геометрической прогрессии.

В каждой отрасли промышленности деятельность ученых, инженеров была направлена на разработку, освоение и выпуск большого объема различной продукции для покрытия потребностей сотен предприятий, миллионов эксплуатационников изделий по всей стране: в машиностроительной, строительной, горнодобывающей, химической отраслях, в автомобилестроении, тракторостроении, самолетостроении, судостроении и т. д.

Москва была тесно завязана в кооперацию с многочисленными заводами по всему Союзу, сама являясь крупным поставщиком. Так, в различных резиновых рукавах завода «Каучук» нуждались нефтяные промыслы Азербайджана, Грозного, Майкопа, наливные баржи Каспия и Волги, в пневматических рукавах для отбойных молотков нуждались Донбасс, Соликамские копи и др. шахты и рудники, в рукавах для брандспойтов нуждались пожарные, в различных прокладках и уплотнительных кольцах нуждались строители железнодорожных тормозных систем, в транспортной ленте для подачи угля из забоев, зерна на токах, кокса, суперфосфата и т. п. также нуждались на предприятиях по всей стране; ни один завод нельзя было представить без приводных ремней различных моторов, выпускавшихся в Москве /С. 30/. Все электрокары, которые работали в заводских дворах предприятий, на вокзалах и аэродромах обеспечивались резиной, вырабатываемой на «Каучуке». Все льнотеребилки, выпущенные в СССР, снабжались прорезиненными ремнями и колесами, обложенными резиной столичного завода. Электромонтеры страны пользовались в основном изоляционной лентой каучуковцев Москвы. Все отечественные велосипеды «ходили» на шинах и велокамерах, выпускаемом на этом заводе.

Завод становился базовым по изготовлению РТИ для авиационной техники, шлангов герметизации люков самолетов, заготовок мембран для уникальных приборов. РТИ начинали служить в самой различной технике оборонного значения /С. 29-30/.

С конца 1932 по 1933 гг. в стране вступили в строй Ярославский, Воронежский и Ефимовский заводы по выпуску синтетического каучука /С. 36/. В то же время свои первые тонны этого нового отечественного сырья принял от них московский «Каучук»; а затем он наладил выпуск синтетического каучука на своем производстве, выпуская многие виды изделий впервые в СССР. На заводе с помощью рационализаторов был разработан и впервые применен на практике шаблонный раскрой резины для камер.

В рекордно короткие сроки на заводе была выпущена опытная партия покрышек для знаменитого автопробега «Москва-Каракумы-Москва». Когда на завод пришла весть: «Побеждены каракумские пески!» - все встретили ее с радостным ликованием /С. 39/.

В предварительных итогах индустриализации поражало не только количество восстановленных, реконструированных, построенных и строящихся заводов, но и номенклатура изготавливаемых изделий: сотни тысяч наименований. Только один «Каучук» в лучшие свои годы достигнет выпуска более 12 000 наименований изделий как массового, так и специального назначения.

Эта реальность не могла не казаться кому-то мифом, как и все поразительные успехи советских заводов.

Миллионы людей были участниками этих успехов.

На заводах, осознавая, что цифры важны Госплану, а народу и миру нужны другие свидетельства, вписывал лучшие страницы в летописную историю ярких достижений, о которых повествовали в газетах и журналах.

«Первый отечественный 6-моторный самолет «Максим Горький» был укомплектован резиботехническими изделиями завода «Каучук», и этот «подвиг» СССР на заводе по праву приписывали и себе /С. 47/.

Также с законной гордостью встречали заводчане весть о покорении околоземного пространства на воздухоплавательных резиновых аппаратах -дирижаблях, к изготовлению которых они также приложили свои руки, знания, инженерное творчество, терпение и трудолюбие. Изготовление таких аппаратов на заводе началось в 1930 г. в новом помещении – в цехе № 2.

Просторные пролеты цеха, белые халаты рабочих, царившая всюду чистота радовали глаз, но главное – давали возможность в самых благоприятных условиях работать ради укрепления отечественной науки и техники /С. 39-40/. До 1933 г. в этом цехе рождался корпус дирижабля «Химик-резинщик» (переименованный позже в дирижабль «Комсомольская правда»), здесь накапливался опыт изготовления различного инженерного и воздухоплавательного имущества, а также надувных лодок и понтонов.

Этот цех имел свой конструкторский отдел, возглавляемый профессором и воздухоплателем Н. В. Фоминым, а позже известным стратонавтом К. Д. Годуновым, которому выпала доля решать в уникальном цехе новую важнейшую правительственную задачу – изготовить стратостат, который мог бы поднять на высоту свыше 16 км (это был рекорд бельгийского профессора А. Пиккара, установленный в 1931 г.) группу советских астронавтов. В минимально короткий срок – за месяц с небольшим было изготовлено свыше 5000 погонных метров ткани, технически пригодной для оболочки изделия. Оболочка – огромная сфера объемом 24 000 кубических метров, диаметр в поперечнике – 36 метров. На заводе никогда прежде не изготавливали такого огромного изделия.

«Полет стратостата «СССР-1» состоялся утром 30 сентября 1933 года... Погода была совершенно безветренной. Она как бы оберегала большой труд каучуковцев.

В этот день москвичи наблюдали за огромным черным воздушным шаром, устремившемся в атмосферу на высоту 19 километров. Наблюдали за своим детищем и рабочие «Каучука». Они с восхищением следили за полетом отважных астронавтов» /С. 42-43/.

Завоеванное право гордиться успехами своей страны, как своими успехами, реализовывалось в полной мере в результате множества как подобных достижений, так и пропагандистских актов.

Советская молодежь Москвы, воспитываемая в духе потребления всех завоеванных прав, действительно верила, что ей доступно все или почти все. «На том же заводе «Каучук» по инициативе Совета ОСОАВИАХИМа был организован кружок воздушного воздухоплавания. Для этого молодежь завода в свободное от работы время строила сферический аэростат «Комсомолец «Каучука»...

От Фрунзенского района шар направился на северо-восток, а на второй день после вылета экипаж прислал на завод телеграмму с сообщением, что учлеты вместе с командиром благополучно приземлились в двух километрах от Ярославля. 26 километров они пролетели на высоте 900-1000 метров. Такие вот волнующие, очень яркие события в жизни молодежи 30-х гг.» / С. 44/.

А затем, в июле 1936 г. летчики Чкалов, Байдуков и Беляков совершают беспересадочный перелет по маршруту Москва - Северный Ледовитый океан – Камчатка – Николаевск-на-Амуре. Позже та же тройка отважных летчиков пересекает Северный полюс и делает посадку в Северной Америке. Самолет «АНТ-2» был оснащен деталями, изготовленными коллективом завода «Каучук». Рабочие с любовью изготавливали резинотехнические изделия, предназначенные как для сборки самолета, так и аварийного снаряжения - спасательных костюмов, поясов, специальной надувной лодки. Спустя еще год страна дерзко начала осваивать Великий Северный морской путь. Первая экспедиция на Северный полюс во главе с Папаниным была оснащена снаряжением, часть которого изготавливалась также на заводе «Каучук»/С. 47/.

За участие в героических экспедициях не только летчики, покорители Арктики получали награды, но и те, кто снаряжал их в путь, изготавливал необходимую технику, оборудование, снаряжение. Заводчане получали награды, почетные звания, об этом узнавали во всей стране...

Десятки промышленных предприятий Москвы одновременно работали на тот или иной важный в научно-техническом отношении и в равной степени пропагандистский проект: и каждое из них могло одинаково гордиться подвигами челюскинцев или папанинцев и других, как и своими подвигами.

В истории завода «Маяк» (завод им. Лепсе) содержатся и следующие сведения. «По указанию Серго Орджоникидзе завод освоил выпуск продукции по оборонному электромашиностроению, по авиационному электро- и радиооборудованию: для рекордных полетов Чкалова, Громова на самолетах «АНТ-2», завоевавших абсолютные рекорды дальности. По разработке и изготовлению комплекта бортового и наземного электрооборудования для экспедиции Папанина на Северный полюс. По разработке и освоению серийного выпуска электромеханизмов пикирующего бомбардировщика «ПЕ-2» и других. По поставкам в Турцию всех электродвигателей для двух текстильных комбинатов, которые строились специалистами Советского Союза / С.45/.

К событиям большой исторической важности как для коллектива завода, так и для советского общества в целом следует отнести и встречи маяковцев-лепсенцев с национальными героями страны В. П. Чкаловым, Г. Ф. Байдуковым, А. В. Беляковым, М. М. Горомовым, С. А. Данилиным и другими. «30 марта 1938 г., вскоре после успешного возвращения полярников на Большую землю, завод посетил Герой Советского Союза Е. К. Федоров. Все заводчане собрались на митинг. Евгений Константинович, рассказав о трудной работе на дрейфующей станции, горячо поблагодарил коллектив завода за изготовленное им оборудование. Федорову был преподнесен подарок – комплект электромашин новейшего типа»...

Завод посетил также радист станции СП-1 Э. Т. Кренкель. На митинге, устроенном по этому случаю, герой-полярник, заключив в дружеские объятия главного инженера завода В. М. Самойловича, благодарил его и весь коллектив за надежное радиооборудование, особенно за генератор, работавший от ручного привода. Радист был уверен, что он обеспечит связь с Большой землей и самолетами даже в случае большой разрядки батарей»... С какой радостью и теплотой, с каким восторгом принимали заводчане дорогих гостей – Героев Советского Союза Г. Ф. Байдукова и С. А. Данилина. Во время их посещений устраивались митинги с участием всех работников завода, говорилось много пламенных речей, в которых звучала гордость за наших героев, за нашу славную родину» /С. 51/.

На заводе им. Лепсе к началу 1940 г. работало более 5000 человек. Они не подводили советских «соколов» в их трудных полетах, и со словами благодарности летчики приезжали на завод для встречи с творцами отечественного оборудования отличного качества.

«Встречи с легендарными личностями, чьи героические дела получили мировое признание, всегда были радостными и торжественными. Они были праздником для трудовых коллективов, поскольку работники заводов тоже ощущали себя причастными к этим победам. И память об этих незабываемых встречах жила в каждом коллективе долго и укрепляла дух рабочих, она воспламеняла в духе советского патриотизма новые молодые поколения» /Там же/.

Важно дополнить, что дух патриотизма и сила энтузиазма обрели такую мощь, такую реальность, что проектирование нового строительства, возведение заводов осуществлялось властями социализма, Сталиным, уже только с учетом этого фактора.

Старые опытные инженеры-проектировщики на технических совещаниях по инерции планировали строительство и ввод объектов в течение значительного ряда лет, но такие проекты обязательно уточнялись, обсуждались и «переобсуждались» до тех пор, пока сроки ввода объектов в эксплуатацию значительно сокращались, вдвое и даже более раз.

При этом нередко проекты по строительству одного производства пересматривались в сторону образования другого буквально в течение считанных дней, что указывало на объективную реальность - уверенность властей в силу народного энтузиазма, нового советского рабочего класса. Этот класс, если потребуется, откроет новое, временно исключенное из проектирования производство, построит любой завод, если не сегодня и не в этом месте, то завтра и в каком-нибудь другом – но сделает это обязательно.

Это, конечно, не должно вводить в заблуждение относительно легкости в решении задач – любая такая задача включала в себя вопросы о земельных отводах, выделении валюты для закупки оборудования, решения оргвопросов по наличию и конкретизации сырьевых баз, по транспорту и транспортным путям, набору кадров, рабочей силы, а также обсуждения проектов со стороны различных экспертных комиссий с учеными в их составе, причем, в каждый из периодов истории завода по отдельности.

(На это указывают иные истории заводов Москвы, сведения о которых можно обнаружить одновременно в нескольких архивных фондах (так, история ОАО «НК «Роснефть» - МЗ «Нефтепродукт» строится на материалах 3-х архивных фондов (ЦАГМ: № 1234 (ОАО «Нефтеперегонный завод К. Зиллер); № 5678 (Государственный химический завод Фосген-2 – Государственный химический Владимирский завод); № 364 (Московский завод «Нефтегаз № 1» - Московский опытно-промышленный завод ВНИИ НП).

В истории Московского завода «ОАО «Нефтепродукт о деятельности совещений и комиссий говорится: «Новый завод нефтеперерабатывающей промышленности (по проекту строительства «Завод № 1»...) был одним из более 500 предприятий тяжелой промышленности, строившихся по первому пятилетнему плану, принятому XVI партийной конференцией в апреле 1929 г. Но «нефтегазовым» завод был назван не сразу, вначале он рассматривался как новый «нефтеперегонный» завод по шоссе Энтузиастов. В материалах экспертной комиссии ВСНХ СССР того же года указано, что завод строится по военному заданию для производства толуола. Ему присваивается № 518» /С. 41/. Несмотря на то, что дело казалось уже решенным, - газу для Москвы быть, как и толуолу для обороны и другой продукции для промышленности; а также несмотря на то, что с начала сентября грузы для завода «были уже на колесах», лишь только 25 сентября 1929 года в Протоколе совещания по вопросу об отводе участка Главгортопу... постановили: «Считать возможным отвести участок для постройки нефтеперегонного завода согласно прилагаемого плана...»

Одним из главных заинтересованных заказчиков в строительстве нефтегазового производства являлся в то время именно Главгортоп – организация, ответственная за снабжение москвичей топливными ресурсами. Однако, пока еще не имея возможности выйти в выше-

стоящие инстанции с конкретной проектной документацией, 14 октября 1929 г. она начала переговоры с проектным институтом «Гипронефть», изложив ряд своих задач. В результате «совместными действиями была организована группа ученых и инженеров-организаторов нефтеперерабатывающей отрасли в статусе экспертной комиссии. Функции этого органа, правда, предстояло еще уточнить... Первое заседание экспертной комиссии состоялось 18 октября 1929 г., оно рассмотрело докладную записку «О постройке толуолового завода в Москве». После бурных дебатов члены совещания поставили вопрос о необходимости уточненного задания и утверждения порядка рассмотрения проекта толуолового завода 1-й очереди.

Тут же был согласован проект решения Совещания; было постановлено, что экспертиза окончательного решения должна быть возложена на особую комиссию НТС, с утверждением ее главным заказчиком Главгортопом» /С. 42-43/.

«Основную трудность, помимо не полной ясности в вопросе о точных перспективах обсуждаемой новостройки, составляли очень короткие сроки организации и строительства завода – к 1 октября 1930 г. Главным проектировщиком вновь организуемого завода являлся заведующий проектным бюро института «Гипронефть» Сергей Алесандрович Задолкин. Он представил одновременно 2 варианта работы будущего завода: работа на бензол и работа на крекинг-бензин. Завод мог работать с пропускной способностью переработки сырья 100 тысяч тонн и 140 тысяч тонн. План строительства, по выражению С. А. Задолкина, «мыслимый к исполнению к сроку при благоприятных условиях», базировался на его убеждении, что главное технологическое оборудование – печи «Пиккеринга» - при хорошей организации работ можно, по его же расчетам, построить за 4 месяца. Хотя предстояло тщательнее просчитать сроки монтажа не менее сложного оборудования – ректификационных колонн, скрубберов и другого. Доводы разработчиков темы из проектного бюро не казались убедительными.

По мнению других членов заседания, лишь 2 года, не менее, можно было считать приемлемыми для выполнения задания – пуска завода. Требовалась самая тщательная экспертиза по отраслям: строительная, механическая, по охране труда, для чего в работу предстояло включиться, в первую очередь, представителям Строительного комитета ВСНХ, органов охраны труда и Главэнерго. Для завода пока еще не было определено и точного размера участка строительства. И даже на выделенных отводах земли не произвели шурфовку местности, не отметили ее горизонты, а эта работа должна была быть завершена еще месяцем ранее, к 15 сентября /С. 43-44/.

«И все же преобладала точка зрения тех, кто хорошо отдавал себе отчет: необходимо удовлетворить требования правительства – пустить завод в течение 1 года. Тем более, что для этого уже был предпринят ряд самых решительных действий: например, тресты и синдикаты получили соответствующие задания на обеспечение поставок, при «внеочередном распределении заказов», со стороны одного из руководителей промышленности И. В. Косиора. Задания эти выполнялись не точно: в ВСЖ СССР часто поступали сигналы о сложностях с приобретением остродефицитной металлической аппаратуры, холодильников, скрубберов, ректификационных колонн и другого. И обещание вовремя пустить завод «при условии придания этой работе особой срочности» все же наталкивались на объективные реалии - невозможности своевременной поставки оборудования и материалов даже со стороны оборонных заводов.

Но если кто-то и сомневался в сроках выполнения задания, он все же обязан был в срочном порядке обосновать свое мнение в том отношении, каким быть заводу. Одной из главных задач правительства было построить завод, который мог бы дать 2600 тонн толуола в год. Это, как признавали все участники обсуждения проекта, следовало считать основным заданием. Все остальные выходящие продукты являлись, в сущности, теми продуктами, которые должны были оправдать экономическую целесообразность важного начинания. Следовательно, было необходимо сосредоточиться на принятии решений по наиболее насущным задачам: начать с

постройки толуолового отделения, а что касается остального, - строить не все сразу, а начать с печей, скрубберов перегонки и ректификации. Но по сути, это и означало – строить почти все, за исключением объектов нафталина и кокса. На самом деле, если остановиться лишь на толуоле, то при этом производстве получалось громадное количество жидкого пека, который также следовало куда-то девать, значит, - надо перерабатывать и его. Вставала необходимость позаботиться о и том, чтобы хранить этот материал, а значит – строить /дополнительно/ отдельные резервуары. А просто использовать его в топке было нельзя... эти материалы горели плохо.

Словом, перед проектировщиками стояла масса вопросов, одинаково трудноразрешимых и для тех, кто убеждал построить завод за год, и для тех, кто настаивал на удвоении этого срока. Также непросто принимались решения по вопросам технологии, по вариантам использования существующей печи; о том, в каких корпусах ставить дымовые трубы; или же поставить одну дымовую трубу на весь завод; сдвигать ли стены запроектированного здания (около 2000 квадратных метров); где и как устанавливать осветительные фонари на крышах зданий, на территории и по периметру завода; вопросы по охране труда, технике безопасности... Как бы там ни было, но главное решение приняли: «Завод 1-й очереди проектирует «Гипронефть» для получения 2600 тонн толуола в год, бензола 3600 тонн, ксилола 1200 тонн путем пирогазификации 90 000 тонн сураханского мазута, с одновременным получением последующих выходов продуктов.

Причем, в списке прозвучал, в качестве товарного продукта, - и газ... 24 октября на заседании экспертной комиссии заслушивался доклад С. А. Задолкина о схеме очистки газа, обсуждались установочные чертежи. Было рассмотрено два режима печного отделения... При работе в обоих режимах газа выходило одинаковое количество – по 49 000 тонн... 29 октября 1929 г. в протоколе Экспертной комиссии Главгортопа по рассмотрению проекта Московского нефтегазового завода 1-й очереди были взяты за основу, и таким образом, одобрены принятые специалистами техсовещаний и экспертных комиссий решения» /С. 44-46/.

Несколько дней спустя был составлен акт № 109 (по реестру земельных участков) от 30 октября 1929 г., на основании Постановления Комиссии по застройке гор. Москвы от 8 октября 1929 г. (протокол № 45-40), между Московским коммунальным хозяйством и Главным Управлением горной промышленности ВСНХ СССР (Главгортоп) в лице директора Нефтеперегонного завода Новикова Ивана Ивановича (действующего на основании доверенности от 21 сентября 1929 г. за № 71574). В акте указывалось, что Главгортоп и его представитель И. И. Новиков «...принимают земельный участок под лит. «А» и «Б» по шоссе Энтузиастов, Окружной железной дороги, Московской Казанской железной дороги и Анилтреста Бауманского района... двадцать (20) и три тысячи триста семь (3307) квадратных метров в границах красных линий, согласно прилагаемого ситуационного плана, с находящимися на означенном участке 10 нежилыми и 2 жилыми строениями, значащимися на плане лит. «Б»... К возведению построек Главгортоп обязан приступить не позже строительного сезона 1930 г. Вдоль линии участка, примыкающей к шоссе Энтузиастов, - указывалось также в этом документе, - устроить тротуары, содержать эти тротуары и прилегающую к этому участку мостовую в должном порядке и чистоте...» Документ зафиксировал не только точный размер площадей завода, но и обязательство Главгортопа приступить к полномасштабному строительству /С. 47/.

Нужно отметить, что под литером «Б» имелись ввиду ряд старых построек Владимирского химического завода – дореволюционного АО К. Зиллера. Но они сыграют второстепенную, можно сказать, не очень важную роль в деле выпуска огромных объемов продукции и очень большой ее номенклатуры на фоне нового строительства одного из первенцев-гигантов советской пятилетки, где были задействованы новые проекты инженеров и ученых для достижения невиданных результатов.

«Это была научная, инженерная сила из состава «старой» дореволюционной гвардии инженеров промышленности и состава более молодых, получавших образование в советские

годы, инженеров. Они передали эстафету организации и строительства завода, главным образом, молодым энтузиастам нового времени.

Учитывая достаточно большую идентичность по целому ряду параметров истории подготовки строительных площадок под нулевые циклы, возведения фундаментов, корпусов зданий, установки оборудования, их пуска и обкатки в Москве и Подмосковье, как, безусловно, и во всей стране, продолжу анализ темы «Эстафета пускового периода из истории этого же завода.

«Эти энтузиасты, хотя в основной своей массе были малообразованными, оказались достойны возложенных на них больших надежд и обязанностей.

Один из тех, тогда еще молодых первостроителей завода Г. Камбаров вспоминал: «1929-й год. В разных районах Москвы и на ее окраинах кипит горячая стройка. На восточной окраине города, наискось от Владимирского завода – болота, овраги, мшистые кочки, дикие кустарники. Люди изредка заезжают суда... Так было еще в начале сентября. А через несколько дней пришли сюда беспокойные люди... превратить все это в площадку для завода. Рабочие и ИТР «Теплосанстроя» начали строить материальный склад – деревянное здание под железной крышей... поставили временные тесовые бараки под контору. Дальше «Теплобетон» стал строить себе контору...» На месте, где позже встал 19-й корпус, «завизжали пилы плотников, делавших тесовую кузницу, застучали топоры рабочих на постройке тепляка, в которой зимой сооружалась механическая мастерская.

Приближалась зима. Необходимы были теплые помещения обустройства рабочих. На Соколиной горе стали вырастать первые бараки: два теплосанстроевских и рядом теплобетонские. В тепляке руками (бетономешалок не было) бетонировались стены механической мастерской. С большевистским размахом и американской деловитостью 1929 г. прошел в подготовке к основному строительству» /С. 52/. Так как бараки строились на скорую руку и с плохим качеством, с расчетом лишь на 1 сезон, то, когда строительство завода зятянулось и стало ясно, что в бараках придется зимовать, - рабочие приступили к отоплению уже заселенных барачков.

«... На болота, на свалки в апреле стали приходиться массы новых рабочих. Начались большие планировочные работы... Место постепенно приобретало вид ровной площадки и на ней росли, росли и росли все новые постройки. Выстроились в ряд 1-й, 3-й и 4-й печные корпуса. Под руками дружно, по муравьиному копошившихся рабочих выросли печи «Пиккеринга». Напротив этих корпусов прочно, основательно разместилось паросиловое хозяйство со своими котлами – 14-й корпус. В ажурном переплете лесов, в надежном охвате тесин ставили арматуру, заготавливали и поднимали все выше железобетонные колонны, стены, потолки и крыши 12-го, 13-го и 15-го корпусов. На шоссе Энтузиастов выстроили бетонное здание под контору, рядом и на Соколиной горе – бараки. Нельзя было обойтись без подсобных сооружений; построили помещение для работы арматурщиков, навесы для хранения материалов, временную кузницу и котельную...

С первых месяцев 1930 года началась подготовка к постройке жилого дома, с апреля развернули само строительство... Стройка кипела. О «дезертирстве» с работы никто не думал. Рабочие жили в высокой атмосфере героического труда и энтузиазма, и не было отказов, когда необходимо было сделать что-нибудь в неурочное время...» /С. 52-53/.

Подобные воспоминания о работе монтажников в тот период оставил другой специалист, М. В. Липсиц: «1 июля 1930 года на площадке строительства Нефтегазстроя появились монтеры монтажной конторы МОВЭО. Людям, имеющим за своими плечами не один монтаж и богатейший опыт, на этот раз поручено было ударно смонтировать электрооборудование строящегося завода «Нефтегаз №1». С этих дней началась ударная, боевая работа электромонтеров - ответственная и сложная. Работать надо было с высоким качеством, в неотопливаемых цехах, на больших высотах со свинцовым /тяжелым/ кабелем. Монтаж сложен вообще, а в зимнее время и подавно, да и монтировали почти все импортное оборудование. Но самое главное –

нужно было выдержать намеченные сроки пуска. И начиная с первой выстроенной мастерской, переходя из корпуса в корпус, разворачивал Электропром (бывший МОВЭО) свою работу.

Зимой 1930 г. выполняется кабельная наружная сеть. При 20-25 градусах холода монтируется наружное освещение завода, а снаружи корпусов, на лесах, монтеры ведут впервые примененную в СССР работу по освещению кососветами. Консультантов на эту работу нет. Руководство монтажом принимает Г. А. Родин (Электропром). Быстро ориентирующийся, никогда не теряющийся, опытный и уверенный, с помощью тт. Пылаева, Кожанова и других – он крупными шагами движет монтаж завода. Когда строительный отдел в рекордные сроки оканчивает строительство заводской подстанции, ею овладевают монтеры.

Поступающее оборудование идет прямо на место с /московских предприятий/ Электрозавода, с Электроаппарата...

На собрании монтажа был утвержден договор на соревнование между бригадами. В насосной «24г» Мазуров проводит 3 суток, не выходя из траншей, добиваясь досрочного пуска. Дни и ночи проводит на подстанции т. Новожилов, вместе со своим коллективом также бился за своевременный пуск...

Подстанция – наша гордость. На нее, смонтированную в рекордные сроки, исключительно из советского оборудования, приезжают смотреть специалисты из Москвы... Монтаж многих цехов закончился задолго до пуска в эксплуатацию... Призыв управления строительства об усилении мобилизации внутренних ресурсов находит у монтажников живейшую поддержку.

Часть корпусов – 28, 58 и другие монтируются исключительно за счет внутренних ресурсов...

Но не только успехи отмечали мы в своей работе. Были и недостатки. Была текучесть рабсилы; кое-где страдало качество, из-за чего случались переделки; плохая расстановка сил по некоторым объектам, слабый учет материалов. Эти недостатки постоянно находились под обстрелом общественной стенгазеты «Монтаж» /С. 53-55/. В протоколе собрания № 4 от 21 сентября 1930 г., в частности, были записаны меры по ликвидации прорывов.

«В воспоминаниях группы актива завода, в 1932 г., также отмечался особый вклад в дело строительства и пуска завода молодежи: «...В борьбе за освоение территории, в борьбе с болотом, в холоде, под пронизывающим ветром комсомол завода начал свое существование... Первый фронт – борьба ячейки за фундамент. Сроки жестки, и на землекопов ложится исключительная задача по устройству фундаментов. И когда в начале 1931 года уже основные фундаменты закончены, борьба переносится на бетонирование...

Появляется ряд цеховых ячеек: «Теплострой», «Моссантехстрой», «Нефтегазстрой» и другие. Каждой ячейке – свое задание в почетной борьбе за строительство и пуск завода. К этому времени приходит оборудование. Не ослабляя темпов работы по строительству, начинается борьба за освоение импортных машин. Москомгаз терпит аварию, и к строителям «Нефтегазстрой» несется призыв – дать срочно новый газовый корпус. Месячник штурма. Дни и ночи комсомол рука об руку с парторганизацией и построикомам бьется за окончание строительства и пуск 18-го корпуса. В итоге 18-й пущен... В то же время монтаж разворачивается в цехах, отделах... Прибывшие из Баку Василевский и другие оказывают помощь в деле осуществления монтажа печей. 15-й корпус входит пущен в эксплуатацию в срок. Берется шефство над 17-18 корпусами.

В обстановке пущенного цеха с незаконченной вентиляцией, без достаточного знакомства с работой на печах ударный коллектив борется за выполнение программы. Случаи выброса смолы в первое время нередки. Трагически погибает на трудовом фронте лучший комсомолец-ударник, секретарь цех. ячейки Петрикин. Бывают случаи ожогов... На смену старым выдвигаются новые комсомольские кадры... Корпус № 60 – нет схемы к измерительным импортным приборам. Ставится вопрос: либо выписывать из-за границы специалистов, либо

тут, у себя овладеть и пустить без их помощи установку. Двое берутся за эту работу. Один из них Липсиц. Установка приборов заканчивается к сроку. Корпус № 12 – никто не берется клепать в корпусе. Опасность воспламенения. Ударная комсомольская бригада оказалась единственной, способной выполнить эту работу в срок... Корпус № 14. Кто при 40-градусной температуре, в жару, лезет в котел заварить трубы? Комсомольцу Тришину эта жара не помеха. А кто не помнит работы в туннелях?!...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.